

ученому приходится убѣждаться въ непрочности своихъ заключеній, когда сама основа непрочна, недостаточна, фальшива.

Русская наука находится въ своемъ особомъ положеніи относительно своего матеріала. Она совершила много замѣчательнаго труда, но до сихъ поръ ей еще слишкомъ многого недостаетъ, и тѣмъ дальше идетъ теоретическая разработка, тѣмъ больше растутъ *desiderata* и тѣмъ больше чувствуются капитальные пробѣлы въ матеріалѣ.

Наша этнографія, въ самомъ дѣлѣ, произвела большія и важныя работы, которыя бывали самостоятельной заслугой русской литературы. Эти работы начинаются еще съ прошлаго вѣка, когда даже въ богато-развитыхъ европейскихъ литературахъ, служившихъ намъ образцомъ, рѣдко возникала мысль объ изученіи низменнаго простонароднаго быта; когда, напротивъ, французскій псевдо-классицизмъ, господствовавшій одно время во всей Европѣ, былъ исполненъ высокоумнаго пренебреженія къ грубости массъ и даже не подозрѣвалъ въ нихъ старой поэтической традиціи, нѣкогда славной и богатой. У насъ обращеніе къ народности было побужденіемъ самостоятельнымъ. Ломоносовъ уже цѣнилъ народную рѣчь; академическіе путешественники, какъ Лепехинъ, Озерецковскій, Иноземцевъ, со вниманіемъ изучали бытъ, описывали нравы, повѣрья, собирали мѣстные слова, пословицы и т. под.; Болтинъ, для объясненія исторіи, прибѣгаетъ къ народному преданію и обычаю; Чулковъ и Новиковъ печатали, рядомъ съ модными пѣсенками тогдашнихъ стихотворцевъ, чисто народныя и, между прочимъ, прекрасныя пѣсни; Радищевъ, въ своей книгѣ, рисуетъ живыя сцены народнаго быта, и т. д. Въ новѣйшее время, когда въ ученой Европѣ этнографія становилась настоящей наукой, когда, подъ вліяніемъ общаго развитія исторической науки и языковѣдѣнія и въ сосѣдствѣ съ ученостью классической, вырабатывались уже тонкіе и сложные методы изслѣдованія народнаго міа, эта новая наука проникала къ намъ медленно; но, часто не подозрѣвая объ ея существованіи, у насъ работали самоучки въ родѣ Сахарова. Руководясь почти инстинктомъ, онъ угадывалъ настоятельныя потребности науки; онъ дѣлалъ грубыя ошибки, когда брался быть ученымъ истолкователемъ, имѣлъ нелѣпую мысль поддѣлывать народныя произведенія, чтобы тѣмъ больше сдѣлать ихъ привлекательными,—но въ общемъ инстинктъ его былъ вѣренъ, для науки и литературнаго сознанія былъ дѣйствительно нуженъ тотъ самый матеріалъ, надъ собираніемъ котораго онъ трудился.

Стремленіе къ изученію народности возрастало у насъ параллельно съ тѣмъ, какъ вырабатывалось самобытное содержаніе и